

DOI 10.35775/PSI.2025.68.3.002

УДК 323.21/325.11

М.М. ГАДЖИЕВ

доктор политических наук, главный
научный сотрудник Дагестанского федерального
исследовательского центра РАН; профессор кафедры философии
и социально-политических наук Дагестанского государственного университета,
Россия, г. Махачкала
E-mail: Gadjiev.dgu@mail.ru

КАК МИГРАЦИЯ СОЗДАЕТ МУСУЛЬМАНСКИЕ ОБЩИНЫ В РОССИЙСКИХ ПОЛЯРНЫХ ГОРОДАХ: ВОПРОСЫ АДАПТАЦИИ И СКЛАДЫВАНИЯ НОВЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ

В статье исследуется, как миграционные процессы в регионы Крайнего Севера привели к созданию в городах исламских сообществ, мусульманской инфраструктуры и новых идентичностей в регионах российской Арктики. Работа опирается на ряд полевых исследований, проведенных автором в 2022 и 2023 гг. в российских полярных городах, в результате которых были получены ценные эмпирические материалы. Важно подчеркнуть, что мусульманские общины в городах российского Крайнего Севера не производят впечатление того, что они – часть глобальной исламской уммы. Связи с остальным мусульманским миром ограничены. Это не означает, что исламские общины Крайнего Севера автономны. Как и в советский период, в России по-прежнему силен государственный контроль над религиозным пространством. Автор показывает, что мусульманские общины постепенно адаптируют религиозные практики к циркумполярным условиям. Для многих мусульманских мигрантов для своего выживания и адаптации к новым условиям крайне важно быть частью исламских сетей и сообществ. Данные исследования говорят о пластичности формирующейся идентичности в сознании полярных мусульман. Анализ показывает, что интеграция в большое северное сообщество является более подходящим понятием, нежели экстремизм или сопротивление, когда речь идет о мусульманах российской Арктики. Это связано с тем, что исламская идентичность включает достаточно широкий диапазон социально возможных практик, связанных с адаптацией к северным условиям.

Ключевые слова: ислам, миграция, северные города, мечети, идентичность.

Актуальность. Историческая эпоха, связанная с началом 21-го столетия, характеризуется колоссальными изменениями в жизни отечественных мусульманских сообществ. Процессы социальной мобильности и миграционные процессы меняют мусульманский ландшафт Российской Федерации. Это связано с тем, что после распада СССР Россия стала главным местом миграции жителей Центральной Азии и Кавказа, ищущих выгодные рынки труда [9. Р. 463-473].

По мнению исследователей из масштабного аналитического проекта «Мигранты и денежные переводы. Восточная Европа и бывший Советский Союз», к началу 2010-х гг. «Российская Федерация оказалась на втором месте по численности рабочих мигрантов, приезжающих в страну, уступая в этом вопросе только Соединенным Штатам» [11; 7; 8. Р. 1-17]. Российские арктические регионы по емкости и привлекательности своих рынков труда сегодня вполне сопоставимы с крупными мегаполисами, такими как Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург и т.д. [13]. Как результат, все возрастающее количество мигрантов, прибывающих в арктические регионы России из мусульманских регионов, играет решающую роль в формировании новых исламских общин, практик и идентичностей.

Исследовательские вопросы. Российская исламская проблематика сложна и многогранна. В течение постсоветских десятилетий были предприняты значительные усилия по исследованию исламо-политических процессов в различных странах и регионах. На сегодняшний день существует большое количество серьезных и разнообразной литературы по этой теме. Однако, справедливости ради необходимо подчеркнуть, что большинство из этих исследований посвящены регионам, где мусульмане составляют большинство населения: Северному Кавказу, Поволжью, Центральной Азии [16. Р. 605-629; 4. С. 56-65; 1. С. 3-24]. Немало работ посвящены такому аспекту, как взаимосвязь между вопросами религии и безопасности с упором на сюжеты, связанные с политизацией ислама [12]. На фоне этих впечатляющих усилий, взаимосвязь между миграционными процессами и исламским религиозным развитием в России изучалась менее активно. Мы не исследуем борьбу за власть между различными мусульманскими фракциями и муфтиятами. Также за пределами нашего анализа остаются такие темы, как государственно-исламские взаимоотношения, а также борьба с проявлениями мусульманского радикализма и экстремизма [6. С. 1-14].

В данной статье мы попытаемся дать ответ на вопрос: какова социальная природа формирующихся мусульманских объединений в городах российского Крайнего Севера? Цель работы – исследование процессов строительства исламских институтов и связанной с ними мусульманской инфраструктуры, а также анализ трансформации элементов общественной самоорганизации в формировании новой арктической идентичности мусульманских мигрантов. Исследование проведено на примере Ханты-Мансийского автономного округа (ХМАО), которое, как будет показано, является регионом с особенно быстро растущим мусульманским населением [5. С. 108-130].

Первичные источники исследования. Исследование базируется на результаты полевых изысканий автора в Ханты-Мансийской автономной области (ХМАО) в 2022 и 2023 гг. Результаты этих исследований дали возможность получить важную информацию о состоянии формирующихся мусульманских сообществ Сибири и Севера России. Речь идет о таких характеристиках местной мусульманской общественной жизни, как модели групповой сплоченности и адаптационные практики мусульманских мигрантов на новом месте. Эмпирические исследования были организованы в таких населенных пунктах

ХМАО, как Сургут и Нижневартовск. Указанные города выступают в качестве знаковых для региона российского Севера, поскольку оба являются флагманами нефтяной промышленности России и по этой причине весьма притягательны для большого количества мусульманских мигрантов. Если брать параметры самих полевых исследований, то в основе набранного материала легли социологические опросы мусульманских жителей указанных городов. Количественный охват исследования составили 200 респондентов. Мусульманская принадлежность выступила в качестве ключевого критерия выборки исследования.

Предыстория исламского развития в ХМАО. Если оставить в стороне советский период освоения нефтяных богатств Югры, то действительно многочисленными исламскими общинами в округе создавались в 1990-е гг. по инициативе татар, башкир и азербайджанцев. Впоследствии к ним присоединились выходцы с российского Северного Кавказа и Центральной Азии. Данные, приводимые российскими учеными, говорят о том, что именно в период с 1989 г. по 2010 г. количество мусульманских мигрантов из указанных регионов увеличилось в 9,5 раз: с – 3 126 человек до – 29 630 [б. С. 1-14]. Для российского Севера это беспрецедентные цифры. Описываемые процессы привели к тому, что, по мере роста мусульманских мигрантов стала увеличиваться потребность в исламских культовых учреждениях, образованных мусульманских лидерах и проповедниках, а также в соответствующей потребительской инфраструктуре: халяльных магазинах, рынках и центрах. Что касается институциональной сферы, то в округе работает официальная исламская структура – Духовное управление мусульман ХМАО. Последнее включает в себя множество местных филиалов. Как уже отмечалось, важной характеристикой полярного ислама в России, которая до сих пор остается большой проблемой для ее исследования, является отсутствие точных статистических данных о мусульманской миграции в полярные регионы.

Учреждение мусульманских общественно-религиозных структур и их роль в объединении исламского городского населения. Вопрос, который может заинтересовать всех, кто занимается исламской проблематикой: можно ли говорить о том, что в населенных пунктах российской Арктики под влиянием условий Крайнего Севера сложился «особый» ислам, чьи признаки отличаются от того ислама, который существует на привычных мусульманских территориях: Северном Кавказе, Центральной Азии, Урало-Поволжском регионе? На этот вопрос можно ответить отрицательно. Мы не обнаружили на российских арктических территориях какой-то «новый» или «особый» ислам, который можно назвать «северным» – обладающим чисто полярными признаками. Более того, большинство характеристик, которые мы обнаружили в мусульманских обществах российского Севера, являются распространенными на исторических исламских территориях. Речь идет о таких признаках, как полиэтничный характер мусульманских сообществ, фракционная борьба различных исламских элитных групп за власть, деньги и контроль над мечетями, официальный и силовой контроль над исламскими группами, секьюритизация региональной мусульманской жизни и т.д. Эти аспекты довольно хорошо исследованы в упомянутой нами литературе, поэтому мы не будем их рассматривать [14. Р. 338-347; 10]. Тем

не менее, мы считаем, что есть несколько элементов, которые делают ислам в городах Крайнего Севера России достаточно конкретным и узнаваемым, чтобы заслужить прилагательное «полярный». Существуют особые характеристики, которые оказывают влияние на формирование специфики полярного ислама. К ним относятся непривычно холодный климат, затяжные полярные ночи, транспортная и пространственная удаленность арктических городов от современной логистической инфраструктуры, индустриальное устройство северных населенных пунктов. Данные признаки составляют фундамент арктического ислама, которые отличают его от традиционного ислама [3. С. 87-98].

Мусульманские религиозные учреждения являются не просто элементами исламской инфраструктуры. Традиционно и исторически они выступали в качестве санкционированных центров мусульманской общественной активности. В связи с этим возникает вопрос: сколько мечетей и молельных домов построено в регионах российского Севера и Сибири? Мы не будем подробно описывать историю и прочие подробности строительства мусульманской инфраструктуры в городах российской Арктики. Все детали этого процесса изложены в работах российских и зарубежных авторов [10; 2]. По состоянию на 2020 год (этот рубеж берется как время до начала пандемии «Ковид-19») во всех полярных территориях было открыто и легально функционировало 59 официально разрешенных мусульманских институтов и структур. Для пояснения необходимо отметить, что под последними понимаются мечети, молитвенные дома и молитвенные комнаты. Количественные параметры полярного ислама, выраженные в стремительном росте численности культовых учреждений, производят впечатление. Особенно если сравнить эти показатели с историческими исламскими регионами России. Любопытно сопоставить количество культовых учреждений самого крупного северного и сибирского региона – Тюменской области (включая ХМАО и ЯНАО) с аналогичным количеством в Чеченской республике. Оказалось, что в Тюменской области насчитывается 94 мусульманских учреждений [10]. Это больше, чем в Чечне – республике, которая позиционируется как регион особенно активной исламской религиозности в России.

Что касается изучаемого нами объекта – Ханты-Мансийского автономного округа, то он отличается тем, что здесь была построена и открыта 21 мечеть и молельная комната. Это больше всех в регионах российского Крайнего Севера и Сибири. На втором месте с 13 мечетями и молельными комнатами находится еще один богатый регион российского Севера – Ямало-Ненецкий автономный округ. Из остальных регионов по части развития ислама нужно отметить Республику Саха (8 мечетей и молельных комнат), а также Республику Коми (9 мечетей и молельных комнат). В Мурманской области построены две мечети: в самом Мурманске и в Северодвинске. На территории Красноярского края находится самая северная в мире мечеть в городе Норильске. В Архангельской области одна мечеть и одна молельная комната. Даже в Магаданской области две молельные комнаты. На сегодняшний день существует всего два субъекта РФ, где нет исламских культовых учреждений: Ненецкий автономный округ и Чукотка.

Ислам, общественная самоорганизация вокруг мусульманских институтов и вопросы идентичности. В отличие от основным мусульманских регионов России и ближнего зарубежья (Кавказа, Урало-Поволжья и Центральной Азии) ислам в российских арктических регионах является городским. Важность религии среди мигрантов проистекает из необходимости выживания и адаптации в местах, которые являются новыми и чуждыми любому приезжему. Как утверждали некоторые из моих кыргызских респондентов: «Мы узнали об исламе на Севере. У нас дома в мечеть ходят и исповедуют ислам только старики». Иными словами, то, что принято называть «возрождением» ислама среди мигрантов – это понимание новых путей возвращения в ислам в непривычной чужеродной среде [5. С. 108-130]. При этом важно понимать, что указанное «возрождение» представляет собой не простой процесс «возвращения» к исламу. Это сложный процесс, включающий трансформацию систем принадлежности, политики идентичности, сетевого взаимодействия, а также религиозных практик и систем верований, которые переплетаются с трудностями эмигрантской жизни.

Отличительной особенностью социального и трудового устройства мусульман Крайнего Севера является то, что они не организуют свою жизнь изолированно – в виде полузакрытых землячеств и групп взаимоподдержки, как это имеет место в российских мегаполисах, например, в Москве или Санкт-Петербурге. Они более открыты, они доступны для взаимодействия с органами власти, так и со своими единоверцами.

Готовность следовать критериям социальной открытости, а также к формированию предсказуемых взаимоотношений с государственными структурами (органами власти, немусульманскими общинами и лидерами) делает исламские сообщества российского Крайнего Севера удобными субъектами в деле создания общеполлярного экономического и общественного пространства.

Условия жизни мигрантов в Арктике суровы не только в буквальном смысле слова. Жизненные стратегии новоприбывших мигрантов ориентированы на адаптацию к новым условиям, а это влияет на представление о системах принадлежности и идентичности [15. Р. 51-67]. Среди мусульманских мигрантов существует несколько институций, обеспечивающих идентичность, взаимодействие и принадлежность, и они сосредоточены вокруг выживания и обеспечения безопасности. Если человек регулярно посещает одну из мечетей, то весьма вероятно, что его контакты и общение распространяются на людей, которые также посещают мечети. Те, кто регулярно посещает мечети, также стараются познакомить своих друзей или членов семьи с контактами, которые они установили через мечеть. Халяльные кафе функционируют аналогичным образом – как ключевые элементы мусульманских сетей взаимодействия.

Необходимо отметить, что далеко не все мусульманские мигранты посещают службы в мечетях. Многие из них предпочитают исповедовать свою религию дома. «Если у мусульманина все хорошо в жизни и в работе, то он особо не нуждается в помощи земляков, он может совершать молитвы дома», – заявил один

таджикский мужчина, который по причине своей занятости не имел возможности посещать мечеть или молельный дом. Такие мигранты довольно смутно представляют себе, как функционирует община верующих. Повседневные отношения и общественная жизнь этих мигрантов ограничиваются их общением в первую очередь с родственниками, и именно эти родственные связи активизируются в случае болезни или острых проблем.

Для многих мусульманских мигрантов для своего выживания и адаптации к новым условиям крайне важно быть частью исламских сетей и сообществ. Здесь мы приведем примеры того, как мусульманские мигранты представляют себе свои сообщества, которые создаются вокруг мечети. Важно отметить, что существует неформальная разница между теми, кто идентифицируются как **соблюдающие** (практикующие мусульмане) или **не соблюдающие** (непрактикующие). Те, кто считаются практикующими мусульманами, имеют более высокий авторитет. Высоко ценятся их более глубокие религиозные знания и опыт, а также религиозный капитал (уважение, доверие и авторитет). Мы здесь не говорим о светском признании религиозных авторитетов со стороны местных органов власти, силовых структур, соседних диаспор и т.д. Мы ведем речь сугубо о внутри-мусульманских делах.

Те рядовые мусульмане, кто не практикует религиозные обряды и ритуалы, либо следует им нерегулярно, тем не менее, стараются советам и рекомендациям активно практикующих верующих. Как выяснилось, это делается для того, чтобы повысить свой статус и увеличить свой социальный авторитет и возможности среди мусульманских групп. Данный момент может оказаться решающим в вопросах трудоустройства, лидерства, бизнес-карьеры, дружбы, да и простого общения. Один коммерсант средней руки, чей бизнес связан с доставкой в северные города халяльных продуктов, сказал: «Мне удобнее работать с теми единоверцами, которые **соблюдают мусульманские нормы**, потому что я им больше доверяю. По своему значению такая вещь, как доверие, сопоставимо с такими ценностями, как деньги, семья и близкие люди. Работать удобнее с **соблюдающими** мусульманами и доверять настоящим мусульманам, которые боятся Аллаха. Если люди, называющие себя мусульманами, не боятся Аллаха, то им трудно придерживаться установленных правил, которые нужно выполнять».

На заданный вопрос о том, какими путями он ищет и находит единоверцев, которых можно назвать **соблюдающими** (которые действительно следуют религиозным правилам), он дал следующий ответ: «Как правило, это происходит во время пятничной молитвы в мечети. Там можно увидеть, кто приходит на молитвы, как они молятся, и таким способом он расширяет круг своих знакомых-единоверцев. Я хожу в эту мечеть уже более 10 лет и сразу могу определить, кто свой, а кто новичок или посторонний. Мечеть – это не только место, где можно помолиться. Конечно, многие так и делают, но многие посещают одну и ту же мечеть в течение многих лет. У нас постепенно формируется сообщество, своего рода компания верующих. В этом коллективе складывается костяк

активистов и социально-религиозных авторитетов. Благодаря этому, мы лучше узнаем друг друга и больше доверяем друг другу в различных ситуациях делах».

Костяк, о котором говорили этот и другие респонденты, – группа людей (постоянных посетителей), которые часто посещают и, по крайней мере, узнают друг друга по внешности, по имени и этнической принадлежности. Другими словами, люди, посещающие мечеть, чувствуют, что существует настоящая община, у которой есть **костяк**. Очень часто такой костяк неформально объединяет вокруг себя других верующих. Но есть и общины, которые формируются формальными религиозными лидерами – имамами, которые стоят во главе мечетей.

Наш анализ дает основания заключить, что, когда речь заходит о мусульманах российских арктических регионов, то адаптация и интеграция в большое северное сообщество является более подходящим понятием, нежели экстремизм или неповиновение. Наше исследование также позволяет говорить о пластичности сознания и идентичности мусульман – новых жителей полярных городов. Это связано с тем, что исламская идентичность включает достаточно широкий диапазон социально возможных практик, связанных с адаптацией к северным условиям. Большая часть мусульман живет и строит свои планы относительно будущего в поликонфессиональной среде. Верующие преодолевают двойной вызов: в культурном поле в рамках этноконфессионального меньшинства и в современном региональном обществе, где они пытаются найти собственное место. Сказанное не дает никаких оснований оценивать мусульманское население и носителей исламской идентичности в российских полярных регионах как угрозу или вызов существующей властно-политической системе.

Заключение. Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что мусульманские сообщества с различным уровнем организации и самоорганизации социальной жизни в городах российской Арктики вовсе не производят впечатление, что они – часть глобальной исламской уммы. Связи с остальным мусульманским миром ограничены. Однако, сказанное не означает, что исламские общины Крайнего Севера функционируют и выживают самостоятельно. В современной России силен государственный контроль над религиозным пространством и общественно-политическими процессами. Ислам разрешено исповедовать, но в специально построенных и одобренных государством местах.

На формирование общественного сознания мусульман российских полярных регионов оказывают влияние ряд факторов. К ним относятся: общая история (советское прошлое, культура и индивидуальный или семейный миграционный опыт), общий опыт мусульман, живущих в немусульманском обществе, общий статус меньшинства и общие ценности. Данные обстоятельства имеют решающее значение.

Употребляемый в работе термин «мусульманское сообщество» может обладать немалым познавательным потенциалом для понимания систем принадлежности в непонятной для новых мигрантов атмосфере арктических городов. Эти сообщества могут существовать либо в виде групп или сетей взаимодействия,

либо устоявшихся коллективов единоверцев. Однако, в каких бы формах ни существовали, они включают в себя живые социальные отношения между индивидами, которые создают пространства социального (и часто религиозного) участия, чтобы выжить и сохранить безопасность. Тем не менее, нет достаточного количества систематических исследований, объясняющих, как формируются и функционируют системы принадлежности и идентичности в условиях неопределенности. Изучение новых и смешанных идентичностей в атмосфере городского капитализма может представлять многообещающую исследовательскую перспективу по мере дальнейшего расширения исламского пространства на Север.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Ле Торривеллек К.** Состояние и особенности «российского ислама» // Записки аналитического центра «Обсерво». 2013. № 4.
2. **Магомедов А.К.** Полярный ислам в системе российских мусульманских коммуникаций и «новой» социальной мобильности. Ульяновск: УЛГУ, 2022.
3. **Магомедов А.К., Гаджиев М.М.** Полярный ислам в контексте рождения «новой мусульманской географии» России: социальные, институциональные и идентификационные характеристики // Исламоведение. Научно-теоретический журнал. 2022. Т. 13. № 3 (53).
4. **Малашенко А.** Два несхожих ренессанса // Отечественные записки. 2003. № 5.
5. **Опарин Д.** «Местные» и «приезжие» на Ямале: социальные границы и вариативность миграционного опыта // Сибирские исторические исследования. 2016. № 4.
6. **Старостин А.Н., Ярков А.П.** Ислам на Ямале: особенности интеграции в арктической зоне // Современная Европа. 2013. № 6.
7. **Heleniak T., Turunen E., Wang Ch.** Cities on Ice: Population Change in the Arctic. The Northern Forum. 26 October 2018 // <https://www.northernforum.org/en/news/481-cities-on-ice-population-change-in-the-arctic>
8. **Heleniak T.** The Future of the Arctic Population // Polar Geography. 2020 // <https://doi.org/10.1080/1088937.X.2019.1707316>.
9. **Laruelle M.** Central Asian Migrants as New Actors in Russia's Arctic Urban Landscape. Urban Sustainability in the Arctic: Visions, Contexts, and Challenges; ed. By Marlene Laruelle and Robert Orttung. Washington DC: IERES, 2017.
10. **Laruelle M., Hohmann S.** Polar Islam: Muslim Communities in Russia's Arctic Cities. Problems of Post-Communism. 22 August, 2019 // <https://doi.org/10.1080/10758216.2019.1616565>.
11. Migration and Remittances. Eastern Europe and the Former Soviet Union / ed. by A. Mansoor, B. Quillin. Washington DC: The World Bank, 2012.
12. Religion and Violence in Russia. Context, Manifestations, and Policy / ed. By Olga Olikier. A Report of the CSIS Russia and Eurasia Program. June 2018. Lanham, Boulder: Rowman&Littlefield, 2018.

13. **Shaparov A.E., Sokolova F.K., Magomedov A.K., Bhagwat J.** Population migration in the supporting regions of the Russian Arctic to improve international competitiveness of the Northern Sea Route. *Polar Record*. 2022. doi:10.1017/S0032247421000711.
14. **Yarlykapov A.** Divisions and Unity of the Novy Urengoi Muslim Community. *Problems of Post-Communism*. 2 September. 2020. Vol. 67, no. 4-5.
15. **Yeasmin N.** Cultural Identities in Sustaining Religious Communities in the Arctic Region: An Ethnographic Analysis of Religiosity from the Northern Viewpoint // *Journal of Ethnology and Folkloristics*. 2017. Vol. 11. Issue 2. DOI: <https://doi.org/10.1515/jef-2017-0013>.
16. **Yemelianova G.** Islam and Nation Building in Tatarstan and Dagestan of the Russian Federation. *Nationalities Papers*. 1999. Vol. 27, no. 4.

M.M. GADZHIEV

Doctor of Political Sciences, Chief Researcher
of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences,
Professor of the Department of Philosophy and Social
and Political Sciences, Dagestan State University,
Makhachkala, Russia

HOW MIGRATION CREATES MUSLIM COMMUNITIES IN RUSSIAN POLAR CITIES: ISSUES OF ADAPTATION AND THE FORMATION OF NEW IDENTITIES

The article examines how migration processes to the regions of the Far North have led to the creation of Islamic communities, Muslim infrastructure and new identities in the regions of the Russian Arctic in cities. The work is based on a number of field studies conducted by the author in 2022 and 2023 in Russian polar cities, as a result of which valuable empirical materials were obtained. It is important to emphasize that the Muslim communities in the cities of the Russian Far North do not give the impression that they are part of the global Islamic Ummah. Connections with the rest of the Muslim world are limited. This does not mean that the Islamic communities of the Far North are autonomous. As in the Soviet period, state control over religious space is still. The author shows that Muslim communities are gradually adapting religious practices to circumpolar conditions. For many Muslim migrants, it is extremely important to be part of Islamic networks and communities in order to survive and adapt to new conditions. These studies indicate the plasticity of the emerging identity in the minds of polar Muslims. The analysis shows that integration into the large northern community is a more appropriate concept than extremism or resistance when it comes to Muslims in the Russian Arctic. This is due to the fact that Islamic identity includes a fairly wide range of socially possible practices related to adaptation to northern conditions.

Key words: Islam, migration, Northern cities, Mosques, identity.